

Услышав, что идет Чу Тяньхэ, Благородная супруга Ху перепугалась так, что у нее едва душа в пятки не ушла.

Не от волнения — от страха.

Толпа евнухов и служанок сплошной темной пеленой рухнула на колени, в один голос выкрикнув:

— Приветствуем Императора.

Чу Тяньхэ с первого же взгляда заметил «упавшую в обморок» Сун Цы. Широким шагом подойдя к нему, он подхватил его на руки, перенес на кровать и уложил.

Лишь после этого у него появилось время взглянуть на стоявших на коленях рабов. Хотя он и бросил им «встаньте», те не смели подняться.

Уставившись на опустившуюся на колени женщину, Чу Тяньхэ холодно спросил:

— Супруга, разве я не велел тебе обучить Императрицу придворному этикету? Почему она снова в обмороке?

Благородной супруге Ху и самой было не высказать своей горечи — кто же знал, что Сун Цы брянется в обморок без всякого предупреждения?

Вся ее душа переполнилась обидой, но высказать ее было некому. Оставалось лишь кое-как оправдываться:

— Я и сама не знаю, государыня только что стояла на коленях как положено, и вдруг внезапно потеряла сознание. Я, я ведь ничего не делала!

Брови Чу Тяньхэ слегка сошлись на переносице, на его красивом лице застыло невыразимое мрачное выражение:

— Ты заставила ее встать на колени?

— Я, я... я просто велела государыне опуститься на колени, больше ничего не делала.

Опустив взгляд и думая о чем-то своем, Чу Тяньхэ спустя мгновение взмахнул широким рукавом и велел всем удалиться.

Уходя, Чу Тяньхэ бросил благородной супруге:

— На какое-то время прекрати учить Императрицу этикету.

Благородная супруга Ху понимала: раз он так говорит, значит, на этом обучение Сун Цы правилам, судя по всему, будет закончено.

Хотя в сердце у нее роилась тысяча слов, посметь послушаться она не отважилась и, лишь тихо ответив «слушаюсь», удалилась.

Вскоре во Дворце Фэнци никого не осталось. Чу Тяньхэ сидел в широком кресле с помрачневшим и нечитаемым выражением лица.

Евнух Хуа прислуживал рядом, не смея произнести ни звука.

Внезапно Чу Тяньхэ спросил:

— Скажи, неужели в этом мире действительно бывает такая болезнь, от которой люди падают в обморок, стоять им только встать на колени?

— Э-э... о подобном слышать не доводилось. Но... велик мир, чего в нем только не встретишь...

Тяжело вздохнув, Чу Тяньхэ произнес:

— Ладно, позови ко мне Дун Хаосюаня.

— Слушаюсь.

Через четверть часа темно-пурпурная фигура предстала перед Чу Тяньхэ:

— Что опять стряслось? Я ведь слышал: почему это Императрица опять упала в обморок?

Хотя на словах он жаловался, Дун Хаосюань честно подошел к Сун Цы.

Протянув руку, он проверил пульс Сун Цы и спустя некоторое время изрек:

— Пульс ровный, и впрямь опять вырубился!

Уставившись на Сун Цы, Чу Тяньхэ задумчиво произнес:

— Дун Хаосюань, как думаешь, а вдруг Сун Цы притворяется?

— Притворяется? Такое не сыграешь, если только он не наглotalся каких-то лекарств!

Тут же начав сам себя опровергать, он добавил:

— Хотя нет, погоди-ка, он же стоял на коленях, как он мог принять лекарство? Да даже если бы и принял, разве окружающие ничего не заметили бы? Значит, определенно потерял сознание!

— Неужели в этом мире и правда существует болезнь, от которой падают в обморок при одном лишь опускании на колени?

Чу Тяньхэ и сам находил это невероятным: прожив столько лет, он впервые видел столь диковинную вещь. Истинно... непостижимо уму.

Вскоре Дун Хаосюань дал ему ответ:

— Пожалуй, ты прав. Мир столь велик, чего в нем только не встретишь. Впредь постарайся больше не заставлять его опускаться на колени. Каждое коленопреклонение — новый обморок, каково тебе самому терпеть такую головную боль!

— ...Я понял, ступай.

— Хорошо.

Поскольку на этот раз Сун Цы проглотил всего одну таблетку снотворного, ее действие к вечеру уже сошло на нет.

Поэтому, когда Сун Цы неторопливо пришел в себя, на дворе уже спустилась ночь.

Громкое урчание в животе подсказало Сун Цы, что пора бы подкрепиться. Потерев опустевший живот, он живо соскочил с кровати.

Взмахнув рукой, он крикнул Юаньбао, ожидавшему за дверью:

— Юаньбао, я проголодался. Живо приготовь мне поесть!

Однако, пребывая в состоянии предельного расслабления, он совершенно не заметил присутствия в комнате еще одного человека.

Чу Тяньхэ отложил книгу, взглянул на бодро скачущего Сун Цы и подал голос:

— Я-то поначалу опасался, что Императрица впадет в беспамятство и я не смогу отчитаться перед канцлером. Судя же по нынешнему виду, Императрица весьма резвая и чувствует себя превосходно?

Сун Цы, крутивший тазом посреди комнаты, мгновенно замер.

Его голова медленно-медленно повернулась, и он встретился взглядом с насмешливыми глазами Чу Тяньхэ.

Тело двигалось гораздо быстрее мысли, и к тому моменту, когда он осознал происходящее, он уже запрыгнул обратно на кровать!

Укрывшись с головой одеялом и выставив наружу лишь пару огромных глаз, Сун Цы во все глаза уставился на шагающего к нему мужчину, и страх в его сердце вновь немного усилился.

Черт, с чего это вдруг приперся Чу Тяньхэ? Неужели он пришел проводить его?

Чу Тяньхэ остановился в нескольких шагах от Сун Цы и, немного поразглядывав его, внезапно произнес:

— Сейчас я задам тебе несколько вопросов, и ты должен ответишь мне правдиво. Если посмеешь меня обмануть, я велю разрубить тебя на десять тысяч кусков.

Спрятавшийся под одеялом Сун Цы яростно задрожал и заикаясь произнес:

— С-спрашивай.

Лицо Чу Тяньхэ помрачнело еще сильнее, настроение, казалось, испортилось окончательно.

Наконец послышался глухой голос Чу Тяньхэ:

— Императрица больна?

— М? — моргнув, Сун Цы не сразу уловил смысл слов Чу Тяньхэ.

Нахмурившись, Чу Тяньхэ, сдерживая терпение, пояснил еще раз:

— Разве тот факт, что Императрица теряет сознание от каждого опускания на колени, не говорит о том, что у него больное тело?

— ...Ваше Величество правы! Я как раз болен, как раз из тех, кто падает в обморок стоит только встать на колени.

Теперь-то Сун Цы наконец расслышал мысль Чу Тяньхэ: надо же, тот всерьез решил, что он болен, и ни капли не заподозрил снотворное.

На душе у Сун Цы полегчало, и он послушно подыграл ему:

— ...

Лицо Чу Тяньхэ стало еще мрачнее, и лишь спустя долгое время он с трудом выдавил:

— Раз так, впредь можешь не вставать на колени. Но правила учить все равно придется.

Личико Сун Цы вновь скисло, отчего на душе у Чу Тяньхэ стало заметно веселее.

Тем не менее он продолжал с хмурым видом допытываться:

— Что? Тебя освободили от коленопреклонений, неужели ты не хочешь учить правила?

— Я... этот подданный, то есть я, буду учить.

Сун Цы изначально хотел отказаться, но все же ответил согласием.

Если уж от поклонов избавили, то будет как-то чересчур некрасиво, если он даже уважительных обращений использовать не научится, подумал про себя Сун Цы.

Лицо Чу Тяньхэ наконец-то прояснилось, он знаком подозвал слуг и приказал подавать ужин.

Сун Цы впервые трапезничал за одним столом с Чу Тяньхэ, и на душе у него было беспокойно.

Однако тревога длилась недолго: стоило Сун Цы увидеть изысканные яства, как все остальное вылетело у него из головы. Он подхватил палочками кусочек рыбного филе и уже собирался отправить его в рот, как вдруг услышал покашливание евнуха Хуа.

Озадаченно переведя пару взглядов на евнуха Хуа...

Наконец, под его «выразительные косые взгляды», палочки Сун Цы сделали резкий вираж и устремились прямо к рту Чу Тяньхэ:

— Ваше Величество, позвольте этому подданному покормить вас кусочком.

Чу Тяньхэ смотрел с ухмылкой, Сун Цы фальшиво улыбался.

Попереглядывавшись некоторое время, Чу Тяньхэ наконец слегка подался вперед и, прихватив губами тот кусочек рыбы, проглотил его.

Сун Цы окончательно окаменел...

О небеса и преисподняя, Чу Тяньхэ съел это! Чу Тяньхэ реально это съел! А как же ему теперь самому есть? Неужели у них теперь будет вроде как поцелуй через третьи руки?

Внутри Сун Цы поднялась волна гадливости, ему жутко захотелось швырнуть палочки куда подальше.

Но показывать свое отвращение было слишком опасно, иначе Чу Тяньхэ точно его прикончит...

В конце концов Сун Цы через силу, давясь тошнотой, доел ужин с помощью тех же палочек.

После трапезы Чу Тяньхэ не спешил двигаться с места, словно чего-то выжидая.

Евнух Хуа подступил к Сун Цы и вполголоса произнес:

— Государыня, вам пора помочь Императору сменить одежду. Нынче ночью Император изволит остаться у вас.

<http://bllate.org/book/22333/2339502>